

Виталий Калашников

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ И ДУХОВНОМ КОНТЕКСТАХ

Аннотация. Личность является одним из ключевых понятий психологии. С позиций контекстного подхода личность можно рассматривать как в психологическом, так и в духовном контекстах. С помощью такого анализа выясняется, что развитие личности представляет собой процесс расширения осознанной ответственности человека как субъекта. Духовный контекст развития личности охватывает широкие сферы бытия и поэтому выступает в качестве основной системы координат для понимания развития личности. В ходе проведенного анализа продемонстрирована эффективность контекстного подхода при изучении феномена развития личности.

Ключевые слова: личность; субъект; осознанность; ответственность; поступок; духовность; трансценденция; идеополе; психологический контекст; духовный контекст; контекстный подход.

Abstract. Personality is one of the key concepts of psychology. From the standpoint of the contextual approach the personality can be considered in psychological and spiritual context as well. By means of this analysis it has been revealed that the development of personality is a process of enhancement of person's conscious responsibility. The spiritual context of personality development includes broad spheres of being and therefore acts as the basic coordinate system for understanding of personality development. The effectiveness of the contextual approach in studying the phenomenon of personality development has been demonstrated.

Keywords: personality; person; awareness; responsibility; action; spirituality; transcendence; Ideo-field; psychological context; spiritual context; contextual approach.

Личность – это продукт исторического и онтогенетического развития

Категория «личность» является одной из основополагающих для психологической науки. Еще в первой половине прошлого века будущее отечественной психологии представлялось Л.С. Выготскому в качестве науки о вершинах человеческого духа, науки о сознании и о свободной личности: «Наша психология – вершинная психология (определяет не “глубины”, а “вершины” личности)» [1, с. 166]. Именно этот ориентир и должен являться основополагающим при анализе феномена личности и ее развития.

Согласно С.Л. Рубинштейну, А.Н. Леонтьеву, Б.Ф. Поршневу, личность – это относительно поздний продукт

общественно-исторического и онтогенетического развития человека, который порождается в пространстве культуры в ходе деятельности и социальных взаимодействий. При этом не каждый человек может дорасти до уровня развития, который позволяет говорить о нем как о личности (отсутствие личностных характеристик А.В. Петровский называл «безличностью»). Личностный уровень развития достигается в результате значительных индивидуальных усилий, которые должны быть поддержаны соответствующей социокультурной средой. Чтобы уточнить сущность личности и условия ее развития, следует использовать определенный инструментарий. По нашему убеждению, эффективной в этом случае является методология контекстного подхода.

Контекстный подход – это методология психологического исследования, сложившаяся в контексте работ А.А. Вербицкого [2], его учеников и последователей (школа контекстного подхода). Изначально положенная в его основу *теория знаково-контекстного обучения* была направлена на полноценную реализацию деятельностного подхода в образовании (прежде всего – в профессиональном). Этому удалось достигнуть посредством разработки теории и практики моделирования в учебной деятельности содержательного, социального, а также субъективно-личностного контекстов деятельности специалиста. В ходе исследований было показано: только постановка учебной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности в личностный контекст обеспечивает осмысленность соответствующих действий, что обеспечивает не только учебную мотивацию, но и личностное развитие обучающихся [3; 4].

При этом понятие *контекст* в его психологической трактовке понимается в контекстном подходе двояко: и как совокупность условий [5, с. 137–138], и как *психический семиотический механизм*, обеспечивающий сам процесс порождения значения и смысла путем соотнесения данного фрагмента психического содержания с релевантным окружением [6; 7]. Объективацией этого механизма, его продуктом является контекст как *семантическое поле*, с которым соотносится воспринимаемый субъектом предмет с целью определения его значения (категоризации) и смысла (личностного присвоения). Поскольку контекст представляет собой поле действия сил (процессов) семантизации, он может быть описан не просто как фрагмент пассивного набора значений (типа «концептосферы»), но как часть *семиосферы* (Ю.М. Лотман) или же *идеополя* общественного сознания (В.С. Му-

Сущность
контекстного
подхода

Контекст как
психический
механизм
и семантическое
поле

хина), которые обеспечивают активную ориентацию субъекта в значениях и смыслах, выработанных человечеством и конкретным сообществом и зафиксированным в его культуре.

В качестве еще одного уровня объективации контекста можно рассматривать его традиционное лингвистическое понимание – как фрагмента текста, окружающего данную лингвистическую единицу и определяющего многие аспекты ее значения и смысла. Формирование концепции психологического контекста отталкивалось от этой классической трактовки, однако было ориентировано на раскрытие психического механизма порождения самого явления контекста. В качестве такого механизма и была описана *семантическая функция психики*.

«Смысло-
навигационная»
семантическая
функция контекста

Контекст в его психологическом понимании выполняет семантическую («смыслонавигационную») функцию для человека как существа, познающего мир с применением знаковых систем. Более того, согласно В.С. Мухиной, идеополе в своем полном объеме, равнозначном всему содержанию культуры (*Великое идеополе*), представляет собой контекст развития человека как личности, что требует «...рассматривать человека в контексте его развития, в *Великом идеополе общественного сознания*» (курсив автора. – В.К.) [8, с. 30]. В частности, контекстом для изучения человека может быть система научных или духовных категорий и концепций, поскольку в последнее время «личность рассматривается в общекультурном полотне, в широком философском и духовном контексте» [9, с. 10].

Эта трактовка совпадает с пониманием культуры как *системы контекстов*, которая формулируется нами в рамках контекстного подхода. Соответственно, в глобальном контексте культуры можно выделить множество частных контекстов, выступающих как совокупности разнотипных концепций интересующего нас феномена. Выявление этих контекстов представляет собой процедуру *контекстного анализа*, суть которой состоит в выявлении всех возможных концепций (точек зрения) и выделение среди них самых общих, логически включающих в свой состав более частные. На этой основе обратимся к анализу понятия «личность» в самых общих контекстах – психологическом контексте (который ассоциируется с научным методом исследования личности) и духовном контексте (который представлен философским, а также религиозно-мистическим пониманием личности).

Сущность личности

Сущность понятия *личность* раскрывается в этимологии самого слова. В русский язык оно проникло из западноевропейских языков и восходит к латинскому *persona*, изначально означавшему театральную маску, а затем и человека как социального субъекта. В Толковом словаре русского языка слово «личность» трактуется как носитель индивидуально-неповторимых свойств и является однокоренным со словом «лицо» [10, с. 330]. Это означает метафорическое отождествление неповторимости внешности человека, отличающей его от других, и его психосоциальной индивидуальности, также являющейся уникальной.

В совокупности этих значений под личностью мы понимаем *социальное лицо* человека, то есть способ его обращенности к людям, к обществу, способ данного человека быть частью социума и действовать в нем. Это можно выразить следующим образом: личность – это осознанная и ответственная социальная позиция человека как социального субъекта, или кратко: *личность – это человек как осознанный и ответственный социальный субъект.*

Тем самым акцентируется не только уникальность социального «лица» человека, которое проявляется в его отношении к людям и к себе как члену общества. В предлагаемом определении упор сделан на тот факт, что человек как деятель-в-обществе должен непременно осознавать свою систему координат для оценки своих социальных действий, а также быть готовым нести за них ответственность. Без этого социализация человека может и не привести к формированию его как личности, даже если социальный индивид и будет воспроизводить усвоенные им социальные нормы, но делать это чисто механически, рефлекторно, уподобляясь хорошо дрессированному животному.

Осознанность
и ответственность
как основы личности

Для полного раскрытия понятия «личность» в приведенном определении необходимо дать дефиниции входящих в него ключевых понятий – «осознанность» и «ответственность». *Осознанность* – это не просто рефлексивная позиция человека, но его способность предвидеть последствия своих решений и действий. *Ответственность* – готовность полностью принимать эти последствия даже при условии невозможности детально предвидеть их. Это говорит о том, что человек настолько высоко ценит свое намерение, что готов принять любые возможные обстоятельства и справляться с ними. Именно в этом проявляются его свободная воля и его субъектность, то есть его личность. При этом человек может отвечать лишь за те действия, которые он мог свободно (а значит, осознанно и ответственно) выбирать.

Мораль и нравственность как этапы развития личности

Выбор поведения по отношению к людям, к обществу описывается в этике понятиями «мораль» и «нравственность». Иногда специалисты по этике рассматривают эти понятия как синонимы, однако предпочтительнее их различать (как это делает, например, А.А. Вербицкий [11, с. 138]), что позволяет использовать эти категории в целях оценки степени развития человека как личности. Если *мораль* – это неписанный кодекс социального поведения, принятый в данном сообществе, то *нравственность* – это осознанный и ответственный индивидуальный (личностный) кодекс поведения данного человека, созданный на основе творческой переработки им общественной морали. Следовательно, человек как социальная единица действует по законам морали, а как уникальная личность характеризуется через свои установки, мотивы, ценности, а также через свою нравственность, которая определяет его осознанное и ответственное социальное поведение.

Л. Кольберг показал, что, помимо чисто интеллектуального, человек имеет и морально-нравственный вектор развития. При этом до определенного уровня он остается в рамках конвенциональных общественных норм, но на достаточно высокой стадии развития становится способен к этической импровизации, осознанно принимая решения с учетом интересов всех участников ситуации и последствий своего выбора для этих интересов [12]. Именно свободный и ответственный нравственный выбор проявляет человека как личность. В деятельности и социальном взаимодействии человека этот выбор осуществляется в форме поступка.

Поступок как проявление и как способ развития личности

Поступок – это социально ориентированное действие (как правило, в ситуации морально-нравственного выбора), имеющее серьезные последствия для самого человека и окружающих его людей – близких, дальних и, возможно, потомков. Именно поэтому такой выбор, по М.М. Бахтину, всегда и только *поступок ответственный*, последствия которого человек всецело принимает: «...ответственный поступок есть осуществление решения – уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок – последний *итог*, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и уже *последнем контексте* и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное...» (курсив автора. – В.К.) [13, с. 29]. Для М.М. Бахтина и долженствование выступает не как внешнее принуждение человека к действию, а как личностная форма осознания ответственности в последнем

Ребенок совершает поступки не только осознанно, но и неосознанно, поскольку погружен в систему социальных отношений

(пределном, экзистенциальном) контексте бытия человека в мире.

При этом А.А. Вербицкий акцентирует тот факт, что ребенок совершает поступки не только осознанно, а практически с рождения, поскольку уже погружен в систему социальных отношений и оценок всех проявлений его активности, поэтому «чистого предметного действия» фактически не существует. Согласно А.А. Вербицкому, поступок – это не только социально обусловленное и морально нормированное действие, но всегда действие, адресованное другому, предполагающее его отклик и оценку. И в этом отношении поступок предшествует предметному действию и деятельности [14, с. 140–141]. Следовательно, в такой трактовке поступок также предстает как диалогическое явление. Однако, на наш взгляд, при этом А.А. Вербицкий акцентирует еще один очень важный момент развития человека: каждое предметное действие всегда совершается в контексте социальных отношений и проецирования взрослыми на ребенка социальных норм, без чего невозможна их интериоризация и невозможно формирование личности. Это означает, что личность начинает закладываться задолго до возможности рефлексивного осознания человеком себя как Я, как субъекта и своих социальных установок. Поэтому в процессе развития личность проявляется постепенно, по мере нарастания осознанности растущим человеком своего авторства и ответственности за свои действия.

Диалогическое бытие личности

Это понимание формирования личности в системе социальных отношений восходит к К. Марксу, Э. Дюркгейму, Н.А. Бердяеву, М.М. Бахтину, Л.С. Выготскому, Д.Б. Эльконину. Так, согласно М.М. Бахтину, личность характеризуется «участным сознанием» как сознанием своего участия в бытии. Человеческое «*не-алиби в бытии*» (М.М. Бахтин) означает принятие на себя ответственности за свое бытие, что с неизбежностью предполагает учет интересов других людей, поскольку «жить из себя не значит жить для себя». Человек находится с окружающими в непрерывной связи-диалоге. Диалог, по М.М. Бахтину, не просто средство общения или понимания человека, а само его бытие: «Быть – значит общаться диалогически. <...> Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [15, с. 338–339]. Согласно М.М. Бахтину, это диалогическое целостное бытие составляет «*последний контекст*» человеческого поступка и человеческой жизни. Согласно Н.А. Бердяеву, именно «общение между “я”, “ты” и “мы” помогает “я” стать личностью» [16, с. 92].

Диалогичность бытия человека была представлена во многих работах мыслителей

Вообще, диалогичность бытия человека, представленная в работах Н.А. Бердяева, М.М. Бахтина, В.С. Библера, М. Бубера, Л.С. Выготского, Б.П. Выше-славцева, В.П. Зинченко, Э. Левинаса, Ю.М. Лотмана, Г. Марселя, В.С. Мухиной, Ф. Розенцвейга, Х. Ортеги-и-Гассета, В.А. Петровского, С.Л. Франка, составляет основу его развития как личности. Только в общении с другой личностью – как непосредственном, так и опосредствованном культурными медиаторами (Л.С. Выготский и В.П. Зинченко) или представленном метаиндивидуально (А.В. Петровский и В.А. Петровский) – в продуктах деятельности типа текстов, музыкальных и изобразительных произведений происходит самоосознание субъекта как личности. В этом случае при формировании и развитии личности задействуется механизм *отраженной субъектности* (В.А. Петровский), которая представляет собой бытие личности в другом и для другого: «Отражаясь во мне, субъект выступает как активное, деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня или, иначе говоря, имеют для меня определенный личностный смысл» [17, с. 61]. Такое субъектное воздействие Другого приводит к активному самоопределению человека, что и результирует в складывании его личности. Следовательно, мы можем утверждать, что формирование личности происходит исключительно в контексте другой, уже состоявшейся личности. (А.В. Петровский сравнивал личность с источником радиации, который меняет всех людей вокруг себя [18, с. 236].)

Культура как среда развития личности

Социальной средой формирования и развития личности выступает не просто комплекс отношений человека с окружающими, но культура в целом, которая обуславливает эти отношения. При этом следует провести принципиальное различие между понятиями «цивилизация» и «культура», которые различаются уже в работах Ж.-Ж. Руссо, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Моргана, Ф. Нортропа, А. Кребера, П.А. Сорокина. В трудах французских просветителей Р. Фергюссона, О. Мирабо, П. Гердера, Ф. Вольтера цивилизация выступала как высший уровень развития культуры.

Цивилизация противопоставляется культуре многими мыслителями

Однако начиная с Ж.-Ж. Руссо в работах И. Канта, М. Вебера, О. Шпенглера, К. Леви-Стросса, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Швейцера, Г. Сковороды, В. Соловьева, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева цивилизация противопоставляется культуре как ее низший – технический, объ-

ектный и предметный уровень, как инструментальная оснащенность культуры бытовыми, политическими и иными подобными «механизмами» воспроизводства социальности. Если *цивилизация* – это характеристика базового, низшего уровня культуры как способности воспроизводить сверхприродные (культурно-исторически выработанные) формы человеческой жизнедеятельности, то собственно *культура* представляет собой высший, рефлексивный уровень этой жизнедеятельности, когда человек способен вырабатывать личностную позицию по отношению к этим формам и приносить в них свое творческое начало.

Б.Ф. Поршнев для описания процесса антропогенеза ссылался на формулу Л. Фейербаха (фактически созданную интерпретатором его концепции развития рациональности Г.В. Плехановым) – «*выворачивание вывернутого*» [19, с. 14]. Б.Ф. Поршнев справедливо полагал, что социальное (а значит, и культурное) не выводится из биологического, но, основываясь на нем, представляет собой *инверсию*, «выворачивание» биологического. И затем, согласно его логике, формирование человека современного типа (то есть человека, наделенного личностью) представляет собой второе выворачивание – уже архаичного человека.

Если первое «выворачивание» есть преодоление автоматизмов природного бытия живого в формах человеческой культуры (прежде всего, в ритуале и мифе), то второе «выворачивание» есть превосходство ограниченности человека наличной данностью – переход от «цивилизационного» на собственно «культурный» уровень за счет рефлексии над основаниями собственного социального бытия и привнесение в этот процесс творческого начала. При этом такая рефлексия может осуществляться в различных формах – от мистерий, религиозных и духовных психопрактик до рационального самоанализа и разговорной психотерапии.

Можно сказать, что цивилизация акцентирует вектор «материального» (обеспечивающего удобство жизни человека), тогда как культура – вектор «идеального» (самоосуществления человека), и именно культура соотносится с понятием «личность». Так, согласно Н.А. Бердяеву, «личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа» [20, с. 39].

Следовательно, именно культура является органической средой и естественным контекстом формирования и жизни человека как личности. Культура, понима-

Социальное не выводится из биологического, но представляет собой «инверсии» биологического

Личность может быть независима от материального мира

Личность
характеризует
степень
рефлексивной
осознанности

емая как система запретов на естественное (природное) поведение (по Ю.М. Лотману) не только создает условия для формирования личности, но буквально «выталкивает» субъекта за пределы натурального в область «высших психических функций» (по Л.С. Выготскому), которые суть сознательно регулируемые субъектом виды психической активности.

Именно степень рефлексивной осознанности и характеризует личность, которая проявляет это качество в специфической регуляции своей активности, что позволяет называть ее *деятельностью* (то есть сознательно регулируемой активностью). Согласно А.Н. Леонтьеву, личность следует понимать «как психологическое новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида, в результате преобразования его деятельности» [21, с. 132]. Соответственно, личность предполагает рефлексивную саморегуляцию поведения, выстраивание иерархии мотивов, соотносенной с социальными нормами. Причем для личности деятельность – это не просто способ удовлетворения насущных потребностей, но и способ собственного самосозидания.

Надситуативная
активность как
характеристика
личности

Следует согласиться с В.А. Петровским, что личность характеризуется своей надситуативной, неадаптивной активностью, преодолевающей ограничения наличной ситуации, и поэтому может быть обозначена как *активная неадаптивность* человека [22]. С.Л. Рубинштейн обоснованно полагал, что подобное преобразование имеющейся ситуации и есть органичный способ бытия человека как сознающего и деятельного существа: «Человек включен в бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие. Этот процесс – непрерывная серия цепных взрывных реакций: каждая данность – наличное бытие – взрывается очередным действием, порождающим новую данность нового наличного бытия, которое взрывается новым действием человека» [23, с. 357]. В результате существование человека как субъекта, деятеля преобразует как его самого, так и окружающий мир. В этом процессе человек и обретает себя как личность.

Полионтичность
пространств и
реальностей
личности

Личность существует в *полионтичном пространстве*, образованном различными реальностями, каждая из которых обладает собственными законами (онтологией). Так, в персонологической концепции А.В. Петровского и В.А. Петровского личность рассматривается как существующая в трех специфических пространствах (репрезентациях). *Интраиндивидуальное пространство* – пространство психики индивида, привязанное к мате-

риальности тела. *Интериндивидуальное пространство* – область межличностных связей, человеческого общения, диалогического и группового взаимодействия. *Метаиндивидуальное пространство* – это реализация индивидом себя как личности за пределами как его внутреннего мира, так и актуальных связей с другими людьми, осуществляемая посредством его *персонализации* или через средство его *продуктов деятельности* и творчества [24].

Согласно этим исследователям, потребность в персонализации как представленности собственной личности в личностях других людей – это *потребность быть личностью*, присущая каждому человеку (хотя и не всегда им осознаваемая, поскольку неудовлетворенность «нижних этажей» пирамиды потребностей А. Маслоу делает для человека слишком актуальными задачи биологического выживания).

Система реалий
выступает в качестве
пространства
существования
личности

В концепции развития личности В.С. Мухиной в качестве пространства существования личности выступает система реалий: 1 – реальность предметного мира; 2 – реальность образно-знаковых систем; 3 – реальность социально-нормативного пространства; 4 – природная реальность; 5 – реальность внутреннего пространства личности. Все они взаимопересекаются, перетекают друг в друга, и на их пересечении формируется и развивается человеческая личность [25].

При этом человек как субъект деятельности воспринимает каждый выделяемый им в целостном мире объект в контексте каждой из этих реальностей, что образует многомерную реальность бытия личности. Например, любой материальный предмет как объективированный общественно-исторический опыт деятельности не только обозначен словом как культурным медиатором и имеет социальные нормативы действия человека с ним, он также соотносится с природной реальностью. Результатирующей этой многомерности является *личностный смысл*, который составляет основу личности и ее внутреннего мира как специфической реальности.

Смысловая сущность
личности

Личность, согласно многим исследователям (М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Ю.М. Лотман, В.С. Мухина, В.В. Налимов, В.А. Петровский, В. Франкл и др.), носит *смысловой характер*. *Смысл* – это уникальная многомерная система значений, образованных соотношением осмысляемого объекта с окружением (контекстом). Соответственно, *глубина* смысла определяется шириной задействованного *контекста*, а *объем* смыслового наполне-

«Личность – духовна и предполагает существование духовного мира»

ния обеспечивается количеством задействованных контекстов. Именно пристрастность человека, его осмысление мира и себя в нем составляют основу для выработки личностной позиции, определяющей все поступки человека как социального субъекта, как личности.

Личность – качество сверхчувственное, «системное качество индивида» (А.Н. Леонтьев), а потому качество не только идеальное, но и духовное, поскольку феноменологически предстает как *интелехия* человека (полнота сил, содержащая в себе, по Аристотелю, причину и цель своего развития), проявленную в социальном измерении его бытия. Н.А. Бердяев утверждал: «Личность – духовна и предполагает существование духовного мира» [26, с. 97]. Только такая перспектива, на наш взгляд, задает самый широкий и потому самый продуктивный контекст понимания феномена личности.

Категория духовности принадлежит к религиозно-мистической сфере и традиционно глубоко разрабатывалась в богословии различных конфессий, а также в религиозной философии. Однако, по нашему мнению, существует возможность научного исследования духовности, что осознано не только западными психологами (Р. Ассаджиоли, С. Гроф, А. Маслоу, А. Минделл, Э. Нойман, К. Уилбер, Ч. Тарт, В. Франкл, К.Г. Юнг и др.), но и многими отечественными исследователями (Б.С. Братусь, В.А. Данченко, А.И. Зеличенко, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, В.В. Козлов, В.С. Мухина, А.А. Остапенко, В.И. Слободчиков, В.Д. Шадриков и др.).

При этом необязательно воспринимать духовность исключительно как религиозно-мистическое понятие проявлений Духа (Бога), равно как и понятие крайнего материализма, отождествляемое с идеальной стороной культуры. Можно предложить и такую *контекстуальную трактовку духовности*, которая осуществит диалектическое снятие этих несходных позиций.

Духовность как ответственность

Духовность – это процесс и результат самотрансцендирования субъекта, то есть превосходение им ограничений своего наличного бытия, что проявляется в расширении сферы его осознанности и ответственности. Это расширение контекстов бытия человека, в которых он осознает и оценивает себя и свои поступки. Именно такая ответственная личностно-надличностная позиция человека является основой, на которой расцветает *мудрость*, понимаемая как способность принимать решения, руководствуясь не широко понимаемым эгоизмом (в который могут включаться и другие люди – семья, сотрудники организации, этническая или конфессио-

нальная группа), но подлинной заботой и состраданием (в его буддийском и христианском понимании) [27]. Важно отметить в этой связи, что игумен Евмений Перистый также понимает духовность как *ответственность* и предлагает определять степень ответственности по результатам деятельности человека, взявшегося за конкретное дело [28].

Следует подчеркнуть, что привнесенное в психологию понятие духовности задает новую, вертикальную координату психики. Без этой вертикальной координаты простое накопление знаний и способностей не приводит к качественным скачкам в развитии человека, тогда как восхождение к более высоким уровням осознанности и ответственности выступает как духовный процесс, в который органично включен и личностный уровень.

Развитие личности
как подъем по
духовной вертикали

В своей концепции *органической психологии* В.П. Зинченко предметом психологии называет «*подъем по духовной вертикали*» [29, с. 148–182]. В структуру сознания он включает три слоя: *бытийный* (в который, наряду с биодинамической «тканью» движения, входит чувственная «ткань» образа), *рефлексивный* (который составляет «ткань» значения и смысла), а также *духовный* (содержащий «ткань» диалога сознаний Я–Другой, в котором только и формируется Я человека). При этом основанием для использования термина «духовный» В.П. Зинченко считает то, что высшим духовным проявлением человека является любовь (а именно любовь матери к своему чаду), которая составляет основу диалогического взаимодействия, закладывающего первое основание зарождающегося сознания ребенка [30]. Можно отметить, что такое понимание как раз и представляет собой диалектический синтез религиозного понимания духовного как божественного в христианстве («Бог есть любовь») и светского понимания духовности как связи человека с повседневным миром через любовную заботу о ближнем. В этой любви и заботе человек одновременно развивается и как личность, и как духовное существо.

Духовное развитие
как расширение
сфер бытия человека

Духовное развитие означает возрастание духовности, то есть *расширение сферы сознательной ответственности субъекта*. Эти сферы (контексты бытия человека – его самовосприятия и ответственного поступания) должны последовательно проходить следующие стадии расширения: 1 – *я* – бытие своим телом и психикой; 2 – *семья* – бытие малой группой, связанной кровным родством; 3 – *коллектив* – бытие формальной малой группой, связанной общим делом (друзья, учеб-

ная, деловая группа); 4 – *общество* – бытие большой социальной группой (от соседской общины до человечества в целом); 5 – *живое* – бытие в единстве с природой (всеми, кто, помимо человека, населяет Землю); 6 – *материя* – бытие материальным телом среди других физических объектов (куда входят в том числе сама Земля и даже вся Вселенная в ее материальном аспекте); 7 – *источник* – бытие Абсолютом как источником всего (что является целью религиозно-мистических практик). Таким образом, духовность предполагает преодоление фундаментальных дихотомий «Я – не-Я», «Я – Другой», «человек – мир» и максимальное расширение сферы самоотождествления субъекта. Соответственно, основным средством духовного развития является тренировка человека в выборе решений и принятии ответственности за их последствия во всё более широких сферах жизнедеятельности, вплоть до пределов самого Бытия [31].

Духовное развитие как достижение сверхчеловеческого акме

Так, понимаемое духовное развитие с неизбежностью способствует развитию личности. Но при этом духовное развитие представляет собой не просто достижение *акме личности* (от др.-греч. *ακμή* – высшая точка, вершина), а развитие личности в контексте того, что можно обозначить термином «*сверхчеловеческое акме*» (В.С. Мухина) [32, с. 117]. Этот уровень предполагает трансцендирование социального слоя самосознания человека и выход к его самоотождествлению с более широкими контекстами бытия. Однако без этой высокой цели развитие личности представляло бы собой тупиковый процесс, искусственно ограничивающий экзистенциальное движение человека, которое по своей сути является самотрансцендированием.

Трансцендирование как механизм развития личности и духовного развития человека

Трансцендирование (от лат. *transcendens* – превосходящий, выходящий за пределы), согласно К. Уилберу, предполагает диалектическое снятие противоречий между внешним и внутренним, равно как и между системными уровнями существования человека, когда происходит не «преодоление» предшествующего уровня, а его «*превосхождение и включение*» [33]. Именно такое превосхождение наличных границ и служит механизмом развития человека как личности. Однако, чтобы этот процесс не превращался в необузданную инфляцию эго, необходимы осознанность и ответственность человека на этом пути. Только тогда развитие личности происходит как *самотрансцендирование*, превосхождение эгоцентризма «в подвиге, преодолевающем злую самость» (П.А. Флоренский) [34, с. 224].

Любовь как основа
трансцендирования

Естественным для человека подвигом такого рода, выводящим его за собственные пределы, является *любовь* к другому (о чем как раз и говорил В.П. Зинченко). Сходное понимание можно найти и у французского философа Г. Марселя, который полагал, что *любовь* и есть трансцендирование своей эгоцентрической ограниченности, прорыв к другому, будь то личность человеческая или божественная, поэтому «тайна Бытия постигается только через любовь и сама определенным образом ее выражает» [35, с. 82]. Именно поэтому любовь выступает духовным началом в человеке и не только является сущностью христианства, но и признается в качестве подлинной духовной основы человека даже атеистами. Любовь означает «неслиянное единство» с другим и потому высшую форму диалогического со-бытия как подлинного бытия человека в трансценденции своей ограниченности.

Интересно отметить, что противостоит любви не столько другое чувство (например, ненависть или равнодушие), сколько *безличность человека*, которая может возникнуть не только вследствие нарушения его естественного развития, но и в силу особой организации общественных отношений, в частности отношений, способствующих отчуждению сущности человека.

Отчуждение и
возвращение
личности в
социально-
экономических
отношениях

К. Маркс в «Экономико-философских рукописях 1844 г.» при анализе феномена наемного рабочего пришел к выводу, что частная собственность отрицает личность (поскольку работник отчуждает свою личность в наемном труде), являясь не только экономической и юридической, но психологической категорией [36]. Согласно В.А. Данченко, учение К. Маркса в его духовном аспекте может быть понято как «*социальная йога*» и даже «*эзотерический марксизм*», поскольку упразднение частной собственности К. Маркс предлагал не в качестве средства повышения экономического благосостояния пролетариата, а прежде всего для обретения подлинного бытия человека как личности, а также и на трансперсональных – надличностных – уровнях. Надличностный уровень является уровнем, где человек переживает актуальное единство *со всем человечеством* (без этой ступени развития невозможно продвижение на уровни *космического* и *трансцендентного сознания*). В.А. Данченко указывает, что для К. Маркса «человеческий индивид есть *воплощенное человечество*, живое воплощение обретенного человеческим родом опыта отношений с миром. Личность человека, его свободная самодеятельность есть интегральное проявление его

Человек-личность
как совокупность
общественных
отношений

сущности – родового опыта, освоенного индивидом» (курсив автора. – В.К.) [37, с. 24].

Именно в таком русле двигалась мысль Л.С. Выготского, который творчески применил учение К. Маркса о человеке-личности как совокупности общественных отношений и культурно-исторической деятельности. Эта же идея нашла отражение в работах ряда последователей Л.С. Выготского. Так, Б.Г. Ананьев писал: «...человек как вид (*Homo sapiens*) и как человечество (общество в его историческом существовании) составляет основание для любого определения состояний каждого отдельного единичного человека, являющегося индивидом, личностью и индивидуальностью» [38, с. 178].

Позже В.С. Мухина, исходя из указанной идеи К. Маркса, ввела определение личности в формулировке «индивидуальное бытие общественных отношений» [25, с. 495–496]. При этом личность понимается ею в двух аспектах: 1 – личность – это социальное в человеке (личность как бытие *общественных отношений*); 2 – личность – это индивидуальное бытие человека (личность как *индивидуальное бытие* общественных отношений) [Там же]. Фактически через этот синтез социального и индивидуального проявляется субъектность человека. В этом, по нашему мнению, проявляется диалектическая сущность человека как личности, превосходящей в своей позиции субъекта наличную данность как своих индивидуальных свойств, так и социальных отношений.

Соотношение
понятий «индивид»,
«индивидуальность»,
«личность»
и «субъект»

Для характеристики человека в отечественной психологии чаще всего используются понятия «индивид», «индивидуальность», «личность» и «субъект». Если *индивид* – это носитель родовых свойств (как телесных, так и психических) человека как биологического таксона, спроецированных на данную человеческую единицу, а *индивидуальность* – неповторимое своеобразие комбинации этих свойств и уровней их развития, то *личность*, напротив, – это проекция субъекта во внешний мир, его объективация и материализация себя, своей позиции по отношению к миру (прежде всего, социальному) в своих действиях и их продуктах. В свою очередь, *субъект* – это активный деятель, не обусловленный внешними воздействиями, а являющийся автором собственных действий и поступков.

В этом субъектном аспекте личность предстает как самодетерминированность человека, как причина себя. В.А. Петровский полагает, что человек изначально

существует как *индивид* (психофизическое целое), который проявляет себя как *субъект* (индивид как «само-причина» – *causa sui*), и посредством осознания своей субъектности обретает единство *Я* (рефлексивный субъект), что и служит основанием для формирования его как *личности*, проявляющейся посредством своей *индивидуальности* («неотразимость личности», ее несводимость к одному образу как «единомножия Я») [39]. То есть личность, согласно В.А. Петровскому, является рефлексивным субъектом, что служит очень емким ее определением, в котором в скрытом виде содержатся все три репрезентации личности.

Субъект как деятель
и как
надличностный
деятель

Многие исследователи подчеркивают, что субъектность не замыкается в телесной ограниченности человека. В частности, А.В. Брушлинский заложил основы новой трактовки, согласно которой «субъект – это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее... целостность всех его качеств: природных, социальных (*social*), общественных (*societal*), индивидуальных и т.д. Личность, напротив, менее широкое определение человеческого индивида» [40, с. 22]. Присущая человеку субъектная позиция, которая проявляется как направленность к творческому преобразованию наличной данности (как природной, так и психической и социокультурной) и приводит к формированию личности.

Более того, «в самом широком смысле слова субъект – это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного масштаба – государств, наций, этносов, классов, групп и взаимодействующих индивидов» [41, с. 6]. Следовательно, в концепции А.В. Брушлинского субъектность человека выступает и как основа развития личности, и как надличностный уровень его жизнедеятельности в общественных формах. Такое понимание соответствует контекстному подходу, который объединяет две трактовки субъекта с указанием, что понимание субъекта как основы личности относится к социальному и психологическому контекстам, тогда как обобщенное понимание субъекта как деятеля-в-мире включает и трансцендирует социально-личностный уровень, выводя человека в духовный контекст его бытия.

Сходство и различия
понимания личности
в психологическом
и духовном
контексте

Можно отметить диалектическое единство представления личности в контексте научно-психологического и духовного ее понимания. Если наука выводит личность из «совокупности общественных отношений», то монотеистические авраамические религии рассма-

тривают ее как проекцию или проявление божественного Лица в человеке как «образе и подобии». При видимых различиях можно отметить и принципиальное единство, которое выявляется с помощью контекстного анализа. При научном психологическом (а равно и социологическом, политологическом, экономическом и юридическом) понимании личности контекстом для наполнения этого понятия семантическим содержанием выступает общество.

Духовный контекст понимания личности

Духовный контекст понимания личности в различных мистических традициях (причем как в западных, так и в восточных) значительно шире и охватывает не только социальную сферу и пространство природы, но и сами основы мироздания, будь то безличное Сознание (Абсолют, Брахман) или личностный Бог как Перволичность (абсолютное Я). При этом в конечном итоге наука приходит к тому же пониманию субъекта, что издревле существует в духовном контексте религиозно-мистических концепций: субъектность человека есть проекция высшей субъектности – если не Бога, то, по крайней мере, безличной Природы (что представляет собой замаскированный пантеизм).

Следовательно, можно сказать, что в современном понимании личности психологическое описание процессов ее развития уже не может замыкаться исключительно в научном контексте. Духовный контекст оказывается шире, поскольку включает в себя представления об основах мироздания, которые наукой выносятся «за скобки». Вне контекста единства мира в его материальных и духовных проявлениях невозможно задать основы для понимания личности и указать координаты для ее развития.

Понимание феномена личности в психологическом и духовном контекстах

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что понимания феномена личности в психологическом и духовном контекстах выступают как сущностно совпадающие.

В психологическом контексте личность предстает как социальный субъект, характеризующийся осознанностью и ответственностью, проявляющейся в диалогическом взаимодействии с окружающими людьми посредством поступков.

В духовном контексте личность выступает субъектом, трансцендирующим наличные ограничения своего бытия для достижения осознанной и ответственной самоидентичности в возможно более широкой сфере бытия. Фактически в обоих контекстах главными характеристиками личности выступают ее способность осоз-

Принципиальное различие психологического и духовного контекстов рассмотрения личности

навать свои отношения с миром и отвечать за поступки, совершенные на основе своей нравственной позиции.

Принципиальное различие психологического и духовного контекстов рассмотрения личности заключается в том, что высшим надличностным уровнем в научном анализе личности выступает общество, тогда как в духовном контексте личность рассматривается во взаимоотношениях с Бытием в целом и с его Первоосновой, что задает максимально возможный трансперсональный уровень в качестве ориентира развития человека. Это означает, что духовный контекст охватывает большую сферу бытия и поэтому он может служить более эффективной системой координат для выстраивания траектории развития личности.

При этом основным способом личностного, равно как и духовного, развития человека является практика в совершении поступков как принятии на себя человеком осознанной ответственности. Следовательно, личностное и духовное развитие выступают, по сути, как этапы единого процесса становления человека, причем полноценное развитие личности является необходимым условием возможности духовного развития человека.

Продуктивность контекстного подхода к анализу личности

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что контекстный подход демонстрирует свою продуктивность в анализе феномена человеческой личности. Выделение специфических психологического и духовного контекстов такого анализа позволяет выстроить вертикаль, упорядочивающую имеющиеся концепции личности. Тем самым контекстный подход реализует принцип дополнительности в описаниях исследуемого объекта, когда разнородные концепции выступают не как взаимоотрицающие, а как обобщающие целостный и многогранный его образ. Следовательно, этот подход обеспечивает холистическое, нередукционистское исследование, при котором каждая из самодостаточных концепций находит свое место в более общей системе координат. В качестве такой системы координат выступают контексты понимания и интерпретации изучаемых явлений, при этом более широкий контекст позволяет понять истинную сущность (значение и смысл) всех явлений более узкого. Поэтому контекстный подход является весьма эвристичной и перспективной методологией психологического исследования.

1. *Выготский Л.С.* Проблема сознания // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. – М., 1982. – С. 156–168.

2. *Вербицкий А.А., Калашников В.Г.* Контекстный подход в психологии // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 3. – С. 5–14.
3. *Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М., 1991.
4. *Вербицкий А.А.* Теория и технологии контекстного образования: учеб. пособие. – М., 2017.
5. *Вербицкий А.А.* Контекст (в психологии) // Общая психология. Словарь // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. – М., 2005. – С. 137–138.
6. *Вербицкий А.А., Калашников В.Г.* Категория «контекст» в психологии и педагогике: монография. – М., 2010.
7. *Вербицкий А.А., Калашников В.Г.* Контекст как психологическая категория // Вопросы психологии. – 2011. – № 6. – С. 3–15.
8. *Мухина В.С.* Великое идеополе общественного сознания – феномен глобальной культуры // Развитие личности. – 2009. – № 4. – С. 29–40.
9. *Мухина В.С.* Концепция феномена личности: стенограмма заседания Отделения психологии и возрастной физиологии РАО, 15 апреля 2009 года // Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 8–25.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М., 1999.
11. *Вербицкий А.А.* Теория и технология контекстного образования: учеб. пособие. – М., 2017.
12. *Анциферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 3. – С. 5–17.
13. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. – М., 2003. – С. 7–68.
14. *Вербицкий А.А.* Теория и технология контекстного образования: учеб. пособие. – М., 2017.
15. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – Изд. 4-е. – М., 1979.
16. *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов // Дух и реальность. – М.; Харьков, 2003. – С. 23–156.
17. *Петровский В.А.* Логика «Я»: персонологическая перспектива: монография. – М., 2009.
18. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии. Избранные труды. – М., 1984.
19. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – СПб., 2007.

20. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – М., 2006.
21. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 2004.
22. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности: монография. – Ростов-н/Д, 1996.
23. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб., 2003. – С. 282–426.
24. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982.
25. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): монография. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2014.
26. Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. – М.; Харьков, 2003.
27. Калашников В.Г., Казанцева Г.Н. Духовность как категория психологической науки // Духовно-нравственный мир современного российского общества: проблемы формирования и защиты: Материалы науч.-практ. конф., г. Волгоград, 16 марта 2009 г. / отв. ред. А.А. Огарков и др. – М., 2009. – С. 15–19.
28. Перистый Е., игумен. Духовность как ответственность // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – URL: http://krotov.info/library/16_p/er/isty_16.htm (дата обращения: 30.08.2017).
29. Зинченко В.П. Посох Осипа Манделъштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997.
30. Зинченко В.П. От потока к структуре сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2009. – Т. 6. – № 2. – С. 3–36.
31. Калашников В.Г., Казанцева Г.Н. Проблема духовного развития субъектов образования // Психологическое сопровождение образовательного процесса: состояние, проблемы, перспективы: V психологические чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 25–27 мая 2008 г., Баш. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы – Вып. 2. – Уфа, 2008. – С. 229–232.
32. Мухина В.С. Многовековое таинство духовного роста: буддизм Бурятии // Развитие личности. – 2010. – № 2. – С. 99–124.
33. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия: пер. с англ. – М., 2004.
34. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – Т. 1 (I). – М., 1990.
35. Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы: пер. с фр. – М., 1995.

36. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 42. – М., 1974. – С. 41–180.

37. Данченко В.А. Проблемы психической культуры и межкультурные контакты // Философские науки. – 1990. – № 10. – С. 22–30.

38. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 1. – М., 1980.

39. Петровский В.А. Логика «Я»: персонологическая перспектива: монография. – М., 2009.

40. Брушлинский А.В. Психология субъекта. – М.; СПб., 2003.

41. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. – 2-е изд., испр. – М.; Воронеж, 2003.

References

1. Vygotskij L.S. Problema soznaniya. In: *Sobranie sochinenij*. V 6 t. T. 1. Moscow, 1982, pp. 156–168. (in Russian)

2. Verbickij A.A., Kalashnikov V.G. Kontekstnyj podhod v psihologii. In: *Psihologicheskij zhurnal*. 2015. T. 36. No. 3, pp. 5–14. (in Russian)

3. Verbickij A.A. *Aktivnoe obuchenie v vysshej shkole: kontekstnyj podhod*. Moscow, 1991. (in Russian)

4. Verbickij A.A. *Teorija i tehnologii kontekstnogo obrazovanija*. Ucheb. posobie. Moscow, 2017. (in Russian)

5. Verbickij A.A. Kontekst (v psihologii). In: *Obshhaja psihologija. Slovar'. Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar'*. V 6 t. Red.-sost. L.A. Karpenko. Pod obshh. red. A.V. Petrovskogo. Moscow, 2005, pp. 137–138. (in Russian)

6. Verbickij A.A., Kalashnikov V.G. *Kategorija "kontekst" v psihologii i pedagogike*. Monografija. Moscow, 2010.

7. Verbickij A.A., Kalashnikov V.G. Kontekst kak psihologicheskaja kategorija. In: *Voprosy psihologii*. 2011. No. 6, pp. 3–15. (in Russian)

8. Muhina V.S. Velikoe ideopole obshhestvennogo soznaniya fenomen global'noj kul'tury. In: *Razvitie lichnosti*. 2009. No. 4, pp. 29–40. (in Russian)

9. Muhina V.S. Koncepcija fenomena lichnosti. Stenogramma zasedanija Otdelenija psihologii i vozrastnoj fiziologii RAO 15 aprelja 2009 goda. In: *Razvitie lichnosti*. 2009. No. 2, pp. 8–25. (in Russian)

10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovy slovar' russkogo jazyka*. 4-e izd., dop. Moscow, 1999. (in Russian)

11. Verbickij A.A. *Teorija i tehnologija kontekstnogo obrazovanija*. Ucheb. posobie. Moscow, 2017. (in Russian)
12. Ancyferova L.I. Svjaz' moral'nogo soznaniya s npravstvennym povedeniem cheloveka (po materialam issledovanij Lourensa Kolberga i ego shkoly). In: *Psihologicheskij zhurnal*. 1999. T. 20. No. 3, pp. 5–17. (in Russian)
13. Bahtin M.M. K filosofii postupka. In: *Sobranie sochinenij*. V 7 t. T. 1. Moscow; 2003, pp. 7–68. (in Russian)
14. Verbickij A.A. *Teorija i tehnologija kontekstnogo obrazovanija*. Ucheb. posobie. Moscow, 2017. (in Russian)
15. Bahtin M.M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo*. Izd. 4-e. Moscow, 1979. (in Russian)
16. Berdjaev N.A. Ja i mir ob'ektov. In: *Duh i real'nost'*. Moscow; Har'kov, 2003, pp. 23–156. (in Russian)
17. Petrovskij V.A. *Logika "Ja": personologicheskaja perspektiva*. Monografija. Moscow, 2009. (in Russian)
18. Petrovskij A.V. *Voprosy istorii i teorii psihologii*. *Izbr. trudy*. Moscow, 1984. (in Russian)
19. Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii)*. St. Petersburg, 2007. (in Russian)
20. Berdjaev N.A. *O rabstve i svobode cheloveka*. Moscow, 2006. (in Russian)
21. Leont'ev A.N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moscow, 2004. (in Russian)
22. Petrovskij V.A. *Lichnost' v psihologii: paradigma sub'ektnosti*. Monografija. Rostov-n/D, 1996. (in Russian)
23. Rubinshtejn S.L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir*. St. Petersburg, 2003, pp. 282–426. (in Russian)
24. Petrovskij A.V. *Lichnost'. Dejatel'nost'. Kollektiv*. Moscow, 1982. (in Russian)
25. Muhina V.S. *Lichnost': Mify i Real'nost' (Al'ternativnyj vzgljad. Sistemnyj podhod. Innovacionnye aspekty)*. Monografija. 4-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2014. (in Russian)
26. Berdjaev N.A. *Opyt paradoksal'noj jetiki*. Moscow; Har'kov, 2003. (in Russian)
27. Kalashnikov V.G., Kazanceva G.N. Duhovnost' kak kategorija psihologicheskoy nauki. In: *Duhovno-npravstvennyj mir sovremennogo rossijskogo obshhestva: problemy formirovaniya i zashhity: nauch.-praktich. konf. g. Volgograd, 16 marta 2009 g.* Otv. red. A.A. Ogarkov i dr. Moscow, 2009, pp. 15–19. (in Russian)
28. Peristyj E., igumen Duhovnost' kak otvetstvennost'. In: *Biblioteka Jakova Krotova*. URL: http://krotov.info/library/16_p/er/isty_16.htm (data obrashhenija: 30.08.2017). (in Russian)

29. Zinchenko V.P. *Posoh Osipa Mandel'shtama i Trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoj psihologii*. Moscow, 1997. (in Russian)

30. Zinchenko V.P. Ot potoka k strukture soznaniya. In: *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2009. T. 6. No. 2, pp. 3–36. (in Russian)

31. Kalashnikov V.G., Kazanceva G.N. Problema duhovnogo razvitija sub#ektov obrazovanija. In: *Psihologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo processa: sostojanie, problemy, perspektivy. V psihologicheskie chtenija. Materialy Vseross. nauchno-prakt. konfer. 25-27 maja 2008 g.* Ufa: Bash. gos. ped. universitet im. M. Akmully Vyp. 2. Ufa, 2008, pp. 229–232. (in Russian)

32. Muhina V.S. Mnogovekovoe tainstvo duhovnogo rosta: buddizm Burjatii. In: *Razvitie lichnosti*. 2010. No. 2, pp. 99–124. (in Russian)

33. Uilber K. *Integral'naja psihologija: Soznanie, Duh, Psihologija, Terapija*. Per. s angl. Moscow, 2004. (in Russian)

34. Florenskij P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny*. T. 1 (I). Moscow, 1990. (in Russian)

35. Marsel' G. *Tragicheskaja mudrost' filosofii. Izbrannye raboty*. Per. s fr. Moscow, 1995. (in Russian)

36. Marks K. Jekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda. In: *Marks K., Jengel's F. Sochinenija*. Izd. 2-e. T. 42. Moscow, 1974, pp. 41–180. (in Russian)

37. Danchenko V.A. Problemy psihicheskoj kul'tury i mezhkul'turnye kontakty. In: *Filosofskie nauki*. 1990. No. 10, pp. 22–30. (in Russian)

38. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. In: *Izbrannye psihologicheskie trudy*. V 2 t. T. 1. Moscow, 1980. (in Russian)

39. Petrovskij V.A. *Logika "Ja": personologicheskaja perspektiva*. Monografija. Moscow, 2009. (in Russian)

40. Brushlinskij A.V. *Psihologija sub'ekta*. Moscow; St. Petersburg, 2003. (in Russian)

41. Brushlinskij A.V. *Sub'ekt: myshlenie, uchenie, voo-brazhenie*. 2-e izd., ispr. Moscow; Voronezh, 2003. (in Russian)

